

И. БУРЯ-БУГАЕВ

Идеалистическая реакция в биологии

(«Начало и вечность жизни» академика Вернадского)¹

В маленькой брошюре затронут вопрос, который, по признанию автора, стоял перед человечеством тысячелетиями; моментально решен, с несомненными доказательствами, будто по команде.

Удивительная легкость решения (!), присущая только гениям, даже не талантам.

Экспериментальными исследованиями (как ученый) Вернадский не занимался, поэтому логика и честность — вот рычаги, которыми решена тысячелетняя проблема, да к тому же экспериментальное исследование, как метод, относится к области философии, по заявлению автора.

Господин Вернадский, занявшись отгадкой «загадки жизни», объявил тщетными все усилия человеческого духа в решении «важной и дорогой загадки». Религия, Искусство, Философия не дали удовлетворительного ответа на вековую «загадку». Отрекаясь от всего этого и даже от «религиозной интуиции и мистического наития», автор заявляет: «Я подойду к этому вопросу как ученый, а не как философ, художник или религиозный мыслитель» (с. 8).

Недурно.

Наука не подходила интенсивно к решению этой «загадки». Но, полноте, ежели наука возьмется за гуж, то через нее «человек получает такое понимание сущего, которое является для всех обязательным, не возбуждающим спора и сомнений» (с. 7).

Понятно — законы науки столь же абсолютны, как право частной собственности для косного буржуазного недомысла. Проще приказывать, чем доказывать.

Обязательное понимание для всех устанавливается «в коллективном творчестве свободных исканий свободной личности» (вроде Вернадского).

Чудесная гармония. Почти коммунизм.

Нечего грехи таить, бывали случаи, когда творчество коллектива печаталось свободной личностью, обворовывающей своих подмастерьей.

Объявив научное понимание для всех обязательным, автор находит у Аристотеля ответы самые разнообразные: биогенез — зарождение из живого, гетерогенез — зарождение при гниении и разложении, абиогенез, или археогенез, — изначальное зарождение. «Представления эти... были восприняты наукой из философских и религиозных концепций» (с. 9), а мы знаем, что религия и философия остались бесплодными в разрешении «загадки», а потому: «В сущности, при этом решении вопроса о начале жизни еще не было никакой *постановки загадки жизни*»; почему? «ибо она являлась как бы частным проявлением других тел природы, частным проявлением материи» (с. 11).

Итак, «загадка жизни» нуждается в специальной *постановке*.

Однако поищем вместе с автором специальной постановки загадки. Нашли! Всего через полтысячи лет после Аристотеля. Предоставим академику Вернадскому, как ученому, самому *поставить загадку жизни*. «И прав был другой великий философ древности и великий учитель жизни, живший через полтысячелетия после Аристотеля, Плотин (204—269), который видел в биогенезе, непрерывном зарождении организма от других организмов — и так на протяжении всего доступного для нашей мысли времени — величайшую тайну природы, самое глубокое проявление в ней *божественности*» (с. 12).

Недурно!?

Это специальная постановка вопроса ученым, а не религиозным мыслителем или философом, как видите. Извольте ли видеть: «*божественный биогенез — загадка жизни*» — это подходящее занятие для науки, а религия пусть себе объясняет жизнь как частное проявление материи, примерно, Аристотель заимствовал такое решение из философских и религиозных концепций. Плотин же хоть и философ, но он был прав, найдя загадку в божественном биогенезе, мало *божественном* — «глубоко божественном».

Вот-те и специальная *постановка* загадки ученым, свободным от мистического наития. Взял мешок и вывернул. А ведь в мешке шила не утаишь.

Вернадскому и в голову не приходило, что биогенез, как диалектическое развитие органического мира, служил Энгельсу как опора для демонстрации диалектики процессов в биологии, на примере цикла развития злаков (Gramineae), собственно, ячменя. Общая формула биогенеза: «Родитель отрицается потомством» — укладывается в тетраду, триаду, пентаду в зависимости от того, на какой ступени развития растительного и животного мира мы останавливаем свое внимание. Разнообразие способов размножения как в животном, так и растительном мире, не связанное до сих пор в своей преемственности, достаточно говорит за себя и никоим образом не может приниматься под именем биогенеза как нечто метафизически не изменяемое.

Уйти от эксперимента, рыться в мистических концепциях Плотина и по ним отгадывать вопросы жизни a priori, вне связи с самой жизнью — это, очевидно, удел буржуазных идеологов.

Как божественный биогенез, иже имаху (имел) счастье осязать г-н Вернадский, отрицает его физическую личность в лице его сына или дочери (потомство замещает родителей), так пролетарская идеология коллективизма с диалектикой в руках вносит отрицание божественным правам консервативной идеологии буржуазии.

Найдя *постановку* загадки жизни, академик переходит к достижениям науки, которые должны быть восприняты в качестве не вызывающих споров и сомнений. «Redi провозгласил биогенез как единственную форму зарождение живого», а так как Redi не подыскал выражения своему принципу, то «omne vivum e vivo» Окена вполне подойдет; и после такой отделки «принцип Redi — все живое из живого — есть первое научное достижение» (с. 12).

Свершилось... Все пути абиогенезу загорожены, ибо научные достижения для всех обязательны.

Все отлично, но «необходимо остановиться в немногих словах на его (Redi) характеристике», говорит академик: «Придворный врач тосканских герцогов... От него осталась большая поэма о тосканских винах... Вахх в Тоскане... своеобразный философ, бравший из жизни все ее хорошие (вроде вин. — И. Б.) стороны, но искавший в ней и глубокого содержания... Реди² был до конца верующим католиком» (с. 16—17).

Характеристика выдала опять.

Возникает вопрос: Redi, доказав биогенез, допускает ли мысль об абиогенезе? Оказывается, что абиогенез был один раз. Это было «проявление воли творца, как это думал Redi».

Провозгласив первое научное достижение, Вернадский снисходительно заявляет: «Лишь два лица должны быть упомянуты одновременно с Redi — Сваммердам», в учености которого нет сомнения, ибо он «пережил религиозный перелом, бросил научную работу и ушел в крайнюю мистику», и «Валлисниери, более свободный в религиозном отношении мыслитель, чем Redi» (с. 20). «Он подходил к идее вечности жизни, но ясно (сколько знаю) — может быть, по цензурным условиям времени — он этой идее в напечатанных работах не выразил»...

Может быть, это ясное утверждение, два раза оговоренное, имеет своей целью показать, что Вернадский имеет дело с революционерами, которых угнетала цензура. <...>

Вернадский ехидно удивляется, что «в споре Пастера и Пуше» странным образом сторонниками биогенеза являлись духовные католические круги». А что Redi католик до смерти и его противники атеисты (Нэдгам и Бюффон) — это странности будто другой категории; или видеть глубокую божественность в биогенезе — это что-то отличное от позиции католического духовенства в защите биогенеза.

Посвящая III отрывок³ исканию жизни в архейских отложениях, академик заявляет: «Не зная научно этого прошлого, очевидно, мы не можем научно решить вопроса о генезисе в нем жизни» (с. 43).

Отсюда, казалось бы, наши научные сведения обрываются, и мы бессильны проникнуть дальше. Но человечество осчастливлено заявлением свободного от «религиозных концепций и спекуляций» академика Вернадского: «Жизнь вечна постольку, поскольку вечен космос⁴, и передавалась всегда биогенезом» (разумеется, глубоко божественным). Этого мало: «То, что верно для десятков сотен миллионов лет, протекающих от архейской эры до наших дней, верно и для всего бесчисленного хода времени космических периодов истории Земли. Верно и для всей Вселенной» (с. 46).

Решительное заявление, вполне достойное гения. Redi считал, что мир создал творец, и потом — все живое из живого. Какова же позиция Вернадского? Слушайте: «Вполне мыслимо, что особые условия “случая” или особой космической среды могут быть найдены в воссоздании человеческим разумом» (с. 44). <...>

Биогенез, как нечто постоянное, неизменное отныне и до века и для всей Вселенной, может уложиться в башке такого естествоиспытателя, который знает биогенез только по *литературным* источникам о достижениях Redi, который ехидно поло-

винчато признает эволюционную теорию, с одной стороны, под страхом в противном случае попасть в ретрограды, с другой — просто по условиям ему свойственных консервативных метафизических способов мышления и представления.

Вернадский сам пишет: «Наука разлагает сложную задачу на более простые, оставляет в стороне сложные задачи, разрешает более простые и тогда возвращается к оставленной сложной», а не оперирует с научными вопросами, как с загадками, которые примерно Вернадский взялся отгадывать. <...>

Академик Вернадский вполне последователен. Он не только не разлагает загадку, а советует заменить механистическую теорию в вопросе о жизни витализмом. Вернадский решает загадку, не разлагая, так сказать, рубит с плеча. Мало этого, он пытается устранить и те методы, с помощью которых разлагаются и решаются сложные и простые вопросы биологии.

Вместе с тем он не скрывает, что «огромные успехи достигнуты были в науке о жизни за последние 50—70 лет, когда биологи, особенно физиологи, стали изучать явления жизни, оставив в стороне всякие объяснения этих явлений особенной жизненной силой, пытаясь подвести все их так или иначе под известные нам силы и явления физики и химии». Несмотря на это, академик объявляет, что «это только метод» и физиолог, который утверждал, что в организме нет никаких других форм энергии, кроме тех, которые наблюдаются во всякой косной материи, или что ничего, кроме материи и энергии, в нем нет, — он это утверждал не как ученый, а как философ. Отсюда следует: все исследования физико-химическими методами, без признания чего-то метафизического, есть философия. Это ли не экстраполяция.

Экспериментальное исследование — философия, экспериментатор — не ученый, а философ. Как же поправить дело? Философия в течение веков была бесплодна. «Возрождение разных форм виталистических и энергетических гипотез жизни является здоровым проявлением научного критицизма».

Витализм с жизненной силой — вот что вместо разложения на простые сложных задач. Почему же такая оказия? Потому что это «является реакцией против незаконно охватившего науку философского представления, ему чуждого. К тому же это философское построение связано с *материализмом*». Вот в чем секрет. И ларчик просто открывался.

Физико-химические методы — философия материализма. Жизненная сила витализма, вечность божественного биогенеза

«от вечности» в силу «случая», которые могут быть воссозданы человеческим разумом, — это наука, вносящая понятия, для всех обязательные.

Вся сумма выводов академика есть «важная и глубокая основа слагающегося мировоззрения будущего» (с. 58), так вещает академик, объявивший чуть не божественную реакцию материализму, не в пример Валлисниери, не выразившему «ясно (сколько знаю), может быть», по цензурным условиям времени, идеи вечности. <...>

